

Проблема пресной воды как структурный фактор мировой экономики

Лихачева А.Б.

Проблема пресной воды прочно вошла в международную политическую повестку дня в последнее десятилетие XX в. Большое число людей, страдающих от разной степени недостатка воды (сегодня порядка 1,1 млрд), заставили мировое сообщество признать расширение доступа к пресной воде одной из четырех ключевых составляющих Цели тысячелетия ООН по обеспечению устойчивости окружающей среды, а 28 июля 2010 г. Генеральная ассамблея ООН включила право на воду в перечень базовых прав человека. Изменение стандартов жизни в развитых странах, рост озабоченности гражданского общества проблемами бедности и неравенства условий жизни на планете привели к переосмыслению важности ряда международных проблем, которые мировое сообщество практически не замечало. Обострение проблем доступа к воде, региональные комплексные проблемы в распределении водных ресурсов и рост требований человечества к стандартам жизни отражает как постепенное объективное обострение ситуации, так и повышение моральных норм глобального гражданского общества в отношении проблем неравенства и образа жизни.

До начала 2000-х годов водная проблема не привлекала особенного внимания экономистов за пределами вопросов, связанных с национальными системами водоснабжения и орошения, гидроэнергетикой, вопросами урбанизации. За пределами национальных границ вопрос о воде сводился к анализу проблем засух и пустынь. Внимание было сфокусировано на поиске эффективных локальных мер по противодействию засухам или решению сложных проблем распределения ограниченных водных ресурсов в ряде стран, особенно в пограничных районах. Сегодня можно говорить о сформировавшемся понимании: дефицит пресной воды становится одним из структурных факторов, воздействующих на мировое экономическое развитие. Обеспечение чистой пресной водой оказывается в фокусе политики устойчивого развития, дефицит воды становится ограничителем экономического роста в развивающихся странах. Параллельно в мире растут расходы на исследование проблемы, вложения в борьбу с засухами и другими природными явлениями, резко влияющими на доступ к водным ресурсам. В городах остро встает вопрос

Лихачева Анастасия Борисовна – младший научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ, аспирант факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ. E-mail: alikhacheva@hse.ru

Статья поступила в Редакцию в мае 2012 г.

энергообеспечения, в то же время возникает все больше государственных программ по совершенствованию ирригационных систем в сельской местности. Засушливые регионы Азии, Европы и Северной Америки инвестируют все больше в строительство опреснительных станций.

Ключевые слова: дефицит пресной воды; мировая экономика; технологии; торговля водоемкой продукцией; виртуальная вода; локальные водные кризисы.

В мире идет активная дискуссия по этим проблемам, и на сегодня можно выделить несколько магистральных сюжетов. Во-первых, это водная составляющая в мировом производстве, сельском хозяйстве и энергетике (концепции «виртуальной» воды Дж. Аллана, «водной компоненты» А. Хоекстры)¹. Основные экономические разработки по водной проблеме и особенно торговле водоемкой продукцией среди российских авторов принадлежат директору Института водных проблем РАН В.И. Данилову-Данильяну [2]. К особенностям российской литературы по водной проблематике можно отнести неутраченные дискуссии об экономической и политической целесообразности поворота сибирских рек в Центральную Азию. Одним из главных аргументов в дискуссии стала как раз концепция торговли водоемкой продукцией, подтверждающая большую целесообразность развития водоемких производств по сравнению с экспортом воды способами, аналогичными торговле нефтью.

Второй блок проблем – это борьба с дефицитом воды и адаптация к новым ресурсным ограничителям. Речь идет о резком увеличении водозабора в ряде развивающихся стран (прежде всего, Китае), который вызывает структурные изменения в национальном хозяйстве. Данный вопрос наиболее проблемный и охватывает как вопросы адаптации (повышение эффективности водопользования, переориентация хозяйства в зависимости от вклада водоемких отраслей в ВВП), так и конкуренции государств за международные водные ресурсы. Стоит отметить, что мнения экспертов по вопросам перспектив войн за воду как за главный экономический ресурс XXI в., нередко оказываются диаметрально противоположными. Термин «водные войны» впервые озвучил бывший Генеральный секретарь ООН Бутрос Бутрос-Гали, который в 1985 г., комментируя конфликт на Ближнем Востоке, предсказал, что следующая война на этой земле будет за воду. Термин вошел в политический словарь в 1990-х годах [45], стал одним из главных «ужастиков» XXI в., перекочевав в словарь журналистский. Толчком к развитию данной темы послужил арабо-израильский конфликт, именно ближневосточному урегулированию были посвящены первые научные работы по международной водной конфликтологии таких авторов как Старр, Лови, Шеманн и Шиффлер, Вульф, Аллан, Клиот, Соффер. Хорошо известно высказывание по данному вопросу Кофи Аннана, также бывшего Генерального секретаря ООН: «усиливающаяся конкуренция за пресную воду может стать источником конфликтов и войн в будущем». Правда, год спустя им же была озвучена иная точка зрения, а именно, что водные проблемы могут и должны стать источником сотрудничества [37].

В многочисленных исследованиях гипотеза о том, что дефицит воды стимулирует вооруженные конфликты разной степени интенсивности, не была подтверждена ни эм-

¹ В русскоязычной литературе также встречается термин «торговля водоемкой продукцией».

пирическим, ни концептуальным анализом. Садофф и Грей даже доказывают, что при угрозе международного водного конфликта страны находят возможность сотрудничать.

Наконец, особняком стоит вопрос права на воду, права на экономическое использование и инвестиции в водный сектор. Сторонники обобществления водных ресурсов (самые известные из которых Барлоу и Баккер [7; 8]) настаивают на полной национализации водных ресурсов и водного хозяйства страны, иногда допуская возможность участия некоммерческих организаций. В любом случае, их основным тезисом остается нацеленность водного хозяйства на максимальную реализацию права человека на воду, а не на получение прибыли. При этом немало тех, кто считает, что приватизация воды не ущемляет права человека на воду, а в некоторых случаях может этому только способствовать, в соответствии с либеральной предпосылкой о более эффективном использовании ресурсов частным капиталом. Основными адептами данного подхода выступают эксперты Всемирного банка и МВФ.

Проблема приватизации водных ресурсов с точки зрения соблюдения действующих норм международного права широко обсуждается и в юридической литературе. Несмотря на то, что подобные дискуссии остаются преимущественно внутригосударственными, международная составляющая в них, как правило, присутствует и связана она с негосударственными субъектами водного рынка – транснациональными корпорациями (далее – ТНК), контролирующими целый ряд крупных объектов в развитых и развивающихся странах (крупнейшие компании – Veolia и GDF Suez). Участие частного капитала варьируется в разных странах, от полной приватизации, как в Великобритании, до тотального запрета, как в Боливии (запрет последовал после массовых протестов и вооруженных столкновений в стране, так называемой «водной войны» в Кочабамбе [34]). На сегодня наиболее распространенными формами остаются концессия и частно-государственное партнерство.

1. Ресурсы и расходование пресной воды

Вода занимает 70% поверхности планеты, однако 97,5% всех запасов воды составляет соленая вода. Больше того, масса пресной воды сосредоточена в ледниках и потому преимущественно недоступна. Из 2,5% (пресной) воды только 1 п.п. водных ресурсов планеты пригоден для непосредственного использования человеком. Ученые-гидрологи выделяют два типа водных ресурсов: возобновляемые и невозобновляемые. К возобновляемым относятся, прежде всего, реки, осадки, почвенные воды. К невозобновляемым источникам относят: ледники, подземные воды, «застойную» воду в пресных озерах (преимущественно ледникового происхождения). Интенсивное использование невозобновляемых водных ресурсов называют хищническим, так как оно наносит непоправимый вред экологии. Данные по ежегодному объему совокупных возобновляемых водных ресурсов в десяти наиболее обеспеченных странах приведены в табл. 1.

При беглом взгляде на физическую карту мира становится очевидна неравномерность распределения водных ресурсов по континентам и водным бассейнам. Наименее обеспеченные регионы – это страны Магриба, Ближнего Востока, республики Центральной Азии. Менее обеспечены и самые населенные страны мира – Китай, Индия, Пакистан, Япония. Соответственно, перед дефицитом воды в определенной мере равны и бедные малонаселенные страны, и богатые развитые экономики. Но последствия для экономики

и населения этих стран, безусловно, различны. Рассмотрим подробнее распределение воды по странам и отраслям.

Таблица 1.

**Годовой объем возобновляемых водных ресурсов,
в среднем за 2001–2010 гг., км³/год**

Страна	Годовой объем, км ³ /год	Население, млн человек	ВВП, 2010, ппс, млрд долл.
Бразилия	8233	195	2185
Россия	4498	142	2820
Канада	3300	34	1333
США	3069	309	14587
Индонезия	2838	240	1037
Китай	2739	1338	10170
Колумбия	2132	46	438
Перу	1913	29	277
Индия	1908	1225	4195
Демократическая республика Конго	1283	66	23

Источник: Worldwater.org, databank.worldbank.org

Около 70% всей имеющейся в мире пресной воды используется для орошения в сельском хозяйстве, при этом с 1960 г. забор воды для орошения увеличился более чем на 60%. Это и определяет теснейшую связь между рынками чистой воды и продовольствия. Вторая по значимости статья расходов – это промышленное производство (20%). Безусловно, эти доли различаются в развитых и развивающихся странах, но даже в наиболее развитых доля сельского хозяйства не опускается ниже 30% (см. рис. 1 и табл. 3).

В табл. 2 приведена секторальная структура для стран с наибольшим ежегодным водозабором. В тройке стран-лидеров – Индия, Китай и США. Независимо от экономической ситуации, спрос предъявляет колоссальное население этих стран – 2,9 млрд человек. При этом только у четырех стран в мире водозабор превышает 100 км³/год.

Наивысшая доля забора от возобновляемых ресурсов – у Ирана (68%). Самый высокий водозабор на человека – в США (1518 м³/чел./год). Секторальное распределение также неоднородно: в Пакистане, Иране, Индонезии и Индии свыше 90% воды тратится на сельское хозяйство. Россия (63%) и США (46%) с большим отрывом лидируют по промышленному водозабору (эти показатели нетипичны за счет высокой энергетической нагрузки, подробно о них будет сказано ниже). В Японии и России самая высокая нагрузка на водозабор со стороны ЖКХ – 20 и 19% соответственно. Особый интерес представляет

последний показатель, так называемая «производительность» воды: сколько долларов ВВП приносит каждый использованный кубометр воды. Японская экономика использует воду наиболее продуктивно: каждый кубометр приносит 53,5 долл. Второе место принадлежит США (23,5 долл.). Показатели остальных стран колеблются от 0,6 долл. (Пакистан) до 8,2 долл. (Мексика). В России каждый кубометр приносит 6 долл. Такой значительный отрыв связан с высокой долей высокотехнологичного производства и развитой сферой услуг – отраслей несопоставимо менее водоемких, чем сельское хозяйство и даже обрабатывающая промышленность.

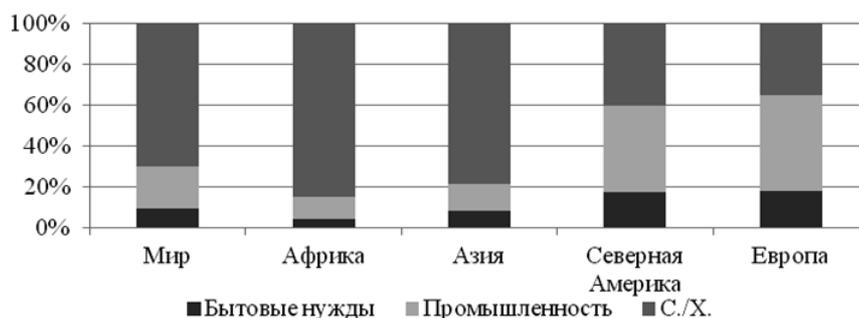

Рис. 1. Направления использования водных ресурсов в регионах мира

Источник: FAO Aquastat, www.fao.org/nr/water/aquastat (5.10.2007).

Таблица 2.

Секторальная структура для стран с наибольшим ежегодным водозабором, в среднем за 2001–2010 гг., км³ на человека в год

Страна	Водозабор, км ³ /год	Доля забора от возобновляемых ресурсов, %	Водозабор, м ³ /чел./год	ЖКХ, %	Промышленность, %	Сельское хозяйство, %	Население, 2010 г., млн	ВВП долл. ном./м ³
Индия	761	39,8	627	7	2	90	1225	1,2
Китай	579	19,5	425	12	23	63	1338	5,3
США	482	15,6	1518	13	46	41	309	23,5
Пакистан	184	79,5	993	5	1	94	174	0,6
Иран	93	67,7	1243	7	1	92	74	1,7
Япония	88	20,9	696	20	18	62	127	53,5
Индонезия	83	5,6	356	8	1	91	240	2,3
Мексика	80	17,5	721	14	9	77	113	8,2
Филиппины	79	17,0	843	7	9	83	93	1,5
Россия	77	1,5	546	19	63	18	142	6,0

Источник: Worldwater.org, databank.worldbank.org, FAO AQUASTAT.

Прямая зависимость существует и между вкладом сельского хозяйства в ВВП и доходами населения. Хотя сельское хозяйство остается главным потребителем воды в мировом хозяйстве, его вклад в мировое ВВП значительно скромнее и тем меньше, чем выше подушевые доходы населения. На промышленность данная зависимость не распространяется. Вклад сельского хозяйства и промышленности в ВВП и водозабор приведен в табл. 3.

Таблица 3.

**Сельское хозяйство и промышленность, доля в ВВП и водозаборе,
2000–2010 гг., %**

Страна/ группа стран	Сельское хозяйство, доля в ВВП	Доля сельского хозяйства в совокупном водозаборе	Промышлен- ность, доля в ВВП	Доля промышленно- сти в совокупном водозаборе
Страны с высокими доходами	1,6	42,7	26,0	37,5
Страны со средними доходами	10,4	74,9	36,2	4,8
Страны с низкими доходами	29,8	85,8	23,3	13,7
Мир	3,2	67,3	27,6	20,3
США	1,2	40,7	21,9	45,7
ЕС	1,9	23,9	26,3	56,4
Бразилия	6,1	57,5	27,8	17,7
Китай	12,2	64,6	46,5	23,2
Индия	31,9	91,1	27,2	1,8

Источник: <http://data.worldbank.org>

В развитых странах с высоким подушевым доходом добавленная стоимость сельского хозяйства в ВВП составляет в целом по группе 1,6% и не превышает 7,2% (Исландия). В странах, где доходы на душу населения находятся на среднем уровне, этот показатель несколько выше – 10,4%. Стоит обратить внимание, что разница между долей сельского хозяйства в национальном водозаборе не такая значительная: если в богатых странах – это 43%, то в странах со средними доходами – 75%. Однако вклад в ВВП отличается не в полтора раза, а в 6,5 раза. Для стран с низкими доходами сельское хозяйство играет уже качественно иную роль в экономике: в беднейших странах Африки его вклад в ВВП превышает 60% (ЦАР, Сомали), в целом по группе составляет 29,8%. При этом на сельское хозяйство приходится 85% всего водозабора.

Роль потребления воды в промышленности качественно иная. Самый высокий вклад в ВВП вносит промышленность в странах со средними доходами – 36,2%. Это связано с последствиями переноса большинства обрабатывающих производств в развивающиеся

страны. При этом речь идет о крупных сборочных производствах, которые не требуют значительного объема воды – с этим связан очень низкий промышленный водозабор этих стран – всего 4,8%. Относительно высокая доля промышленного водозабора в богатых странах (37,5%) связана с развитой энергетической системой, наличием промышленных производств и высокой водоэффективностью сельского хозяйства в Западной Европе.

Указанная статистика является также основой долгосрочной политики в развивающихся странах: внедрение водосберегающих технологий в сельское хозяйство необходимо, так как сегодня в Китае и ряде других стран Азии развивается внутренняя конкуренция за водные ресурсы – уже между сельским хозяйством (12% ВВП) и промышленностью (46,5%). При этом сельхозпроизводители предпочитают не сокращать потребление воды, а повышать добавленную стоимость своей продукции: с этим, в частности, связан резкий рост производства фруктов и овощей в Китае в последнее десятилетие (последние имеют большую стоимость, чем злаковые культуры). Данный конфликт между частными инициативами и приоритетами развития регионов становится объектом регулирования государственной политики: единственным эффективным стимулом оказываются масштабные льготы фермерам, сокращающим водозабор.

Различают два показателя, отражающих водоемкость производства: водозабор и водопотребление [34]. Расхождение между этими показателями может быть весьма значительным и представляет собой объем воды, который возвращается после производственного цикла в реку или другой возобновляемый источник воды. По уровню водопотребления безусловным лидером остается сельское хозяйство, особенно в развивающихся странах. Соответственно, при резком росте данного показателя будет обостряться проблема *нехватки воды*.

Что касается водозабора, по данному показателю мировой лидер – это энергетика, особенно, электроэнергетика. Только гидроэнергетика, где большие объемы водозабора очевидны, обеспечивала в 2007 г. 15% всей генерируемой энергии и 2% мирового потребления энергии [25]. Помимо ГЭС, вода требуется и на всех остальных электрогенерирующих станциях (кроме ветряных и солнечных), главным образом, для охлаждения [47; 51], причем эти станции генерируют 75% мировой электроэнергии [25]. Однако после производственного цикла большая часть использованной воды возвращается в наземные слои почвы. Соответственно, при высоком уровне водозабора и, особенно, резком его приросте, остро встанет вопрос *очистки воды*. В промышленности ситуация варьируется в зависимости от отрасли: наиболее водоемкими остаются нефтехимия, металлургия и деревообрабатывающая промышленность. Чем больше воды требуется на производстве для охлаждения, тем выше будет показатель водозабора на производстве.

Учет обоих показателей необходим для комплексного развития территорий: существование сельского хозяйства и промышленности с высоким водозабором требует и распределения квот на водозабор, и требований к водоочистке. В противном случае может сложиться ситуация, с которой сегодня вынужден бороться Китай на своих северных территориях: несмотря на физическое наличие воды, уровень промышленного загрязнения настолько высок, что не позволяет использовать эту воду ни в сельском хозяйстве, ни тем более для бытовых нужд [49].

Именно в силу тесной взаимосвязи между потреблением воды и генерацией энергии некоторые страны имеют несколько нетипичное распределение водозабора. Так, в России (31 км³/год) [3] и США (292 км³/год) [52] половина водозабора приходится на

энергетику, причем в России, в основном, на атомную энергетику. На промышленность как таковую – всего 13 и 5% соответственно. А Китай окончательно занял лидерское место по доле гидроэнергии в общем объеме потребляемой первичной энергии – 20% [9].

Таблица 4 наглядно иллюстрирует, насколько отличается потребление воды и в количественном, и в качественном отношении в странах, находящихся на разных стадиях экономического развития. Если в Узбекистане на душу населения приходится 2099 м³/чел./год, то в Китае – 425. При этом на сельское хозяйство в Узбекистане расходуется 93% всего водозабора, в то время как в Германии – только 20%. Соответственно единого подхода к оптимизации водопотребления нет, и создание универсальных рекомендаций фактически бессмысленно без региональной привязки. Единственное, что объединяет водные системы этих стран – ресурсная функция воды и, тем самым, наделение воды экономической ценностью.

Таблица 4.

**Сравнительное потребление воды
в Китае, США, Германии и Узбекистане, 2010 г.**

Страна	Совокупный водозабор, км ³ /год	Водозабор на человека, м ³ /чел./год	ЖКХ		Промышленность		Сельское хозяйство		Население 2010 г., млн человек
			м ³ /чел./год	%	м ³ /чел./год	%	м ³ /чел./год	%	
Китай	578,9	425	52	12	99	23	266	63	1361,8
США	482,2	1518	193	13	699	46	626	41	317,6
Германия	38,0	463	57	12	314	68	92	20	82,0
Узбекистан	58,3	2099	100	5	43	2	1956	93	27,8

Источник: Worldwater.org

Соответственно важнейшей характеристикой водного рынка будет то, что большей частью вода нужна не сама по себе, а как производственный ресурс. С точки зрения интенсивной вовлеченности воды в международные экономические отношения, помимо международной торговли, эта связь обусловлена географическими и политическими особенностями. На Земле находится 263 международных бассейна (к таким бассейнам относятся те, на чьей территории находятся две и более страны). В них сосредоточено 60% пресной воды, а по территории они занимают половину земной поверхности. Международные бассейны частично захватывают территорию 145 стран, а территория 21 государства полностью входит в международные бассейны [16].

2. Вода как экономический ресурс

Многие экономисты часто определяют воду как нормальное экономическое благо и имеют для этого определенные основания: вода, действительно, ресурс, ее цену можно просчитать, а объем данного блага и спрос на него поддаются достаточно точной оценке. Особенно настойчиво эта точка зрения отстаивается представителями Всемирного банка,

например, Бриско [10]. В силу того, что вода является крайне специфическим товаром, и ей нет заменителей (подробнее см. работы Перри [36], МакНейла [31], Гримбла [17], Савенья [43]), водный рынок имеет границы, которые формируют не только платежеспособный спрос и предложение (доступные водные ресурсы) – они определяют перспективы и возможности развития водного рынка и решение водной проблемы в будущем: правом человека на воду; экологией; национальной безопасностью; спецификой инвестирования; трансграничным регулированием.

При определении цены на воду как на ресурс большинство экономистов сталкиваются с проблемами неэкономического характера. Во-первых, вода уникальна в силу своей жизненной необходимости и отсутствия субституттов. Помимо этого, массовость, постоянство и характер потребления ресурса означает, что водный рынок имеет специфику, которую формируют не только платежеспособный спрос и предложение (доступные водные ресурсы): право человека на воду, экологическая и национальная безопасность, управление международными водными бассейнами, специфика инвестирования в отрасль. Эта специфика и определяет перспективы водного рынка при быстром росте потребления воды в ходе развития и формирование водной проблемы как мировой в среднесрочном периоде. Городское водоснабжение, равно как промышленное и сельскохозяйственное, остается во многом субсидируемой отраслью хозяйства, причем, помимо субсидирования текущих затрат, государства – главные инвесторы в водную инфраструктуру. Соответственно цена воды не является абсолютным показателем ценности воды и скорее отражает, насколько сложно оценивать пресную воду исключительно как экономический ресурс.

2.1. Цена воды

Самая полная картина по ценам на воду представлена в секторе потребления городского населения: помимо национальных обзоров, Всемирный банк регулярно публикует мониторинг по 261 городам мира. В связи с тем, что во многих странах тариф на воду и услуги водоснабжения не разделяется (в него могут входить также плата за канализацию, дополнительную очистку и т.д.), Банк приводит единый показатель за метр кубический. Данные по десяти самым высоким и десяти самым низким тарифам представлены ниже, в табл. 5, также справочно приведена информация по некоторым крупным городам мира.

В списке городов с самой дорогой водой уверенно лидируют страны Северо-Западной Европы – на них приходится все десять позиций. Напротив, в десятке самых дешевых городов по данному показателю семь из десяти городов расположены в регионах, серьезно страдающих от дефицита воды. При расширении списка данная тенденция сохраняется: самые дорогие тарифы на воду установлены в странах Северной и Западной Европы, самые низкие – в арабских странах, странах постсоветского пространства и развивающихся странах с ограниченным доступом к питьевой воде. Причин данного парадокса несколько. Во-первых, в странах, где водопотребление субсидируется государством, цены могут быть в разы ниже, или же вовсе вода будет бесплатной, как в Ирландии. Размер государственных субсидий, как правило, непрозрачный, поэтому оценить валовые расходы на воду проблематично. Во-вторых, конечный потребитель платит не за воду как таковую, а за услугу – обеспечение доступа к воде, очистку и т.д. Именно поэтому так остро встает проблема доступа к воде в городских трущобах. Недавние исследования убедительно

тельно доказывают, что беднейшие слои населения платят более высокую цену и большую долю своих доходов за пресную воду, чем семьи, имеющие доступ к городскому водопроводу. В некоторых городах доля таких расходов доходит до 20% [18]. Именно данная социальная группа наиболее уязвима при резких переменах в секторе водоснабжения, связанных с приватизацией или, напротив, национализацией, что наглядно иллюстрируют события в Колумбии [34] и на Шри-Ланке [11; 32].

Таблица 5.

Десять городов с наиболее высоким и низким комбинированным тарифом на воду и услуги водопользования, тариф в крупных городах, 2008 г., долл./м³

	Долл./м ³
<i>Города с наиболее высоким комбинированным тарифом</i>	
Копенгаген (Дания)	8,69
Орхус (Дания)	8,20
Барлин (Германия)	7,00
Глазго (Великобритания)	6,71
Гент (Бельгия)	6,15
Франкфурт (Германия)	5,86
Кардифф (Великобритания)	5,84
Люксембург (Люксембург)	5,67
Дюссельдорф (Германия)	5,60
Гамбург (Германия)	5,58
<i>Города с наиболее низким комбинированным тарифом</i>	
Ашхабад (Туркменистан)	Бесплатно
Дублин (Ирландия)	Бесплатно
Корк (Ирландия)	Бесплатно
Белфаст (Великобритания)	Бесплатно
Триполи (Ливия)	Бесплатно
Багдад (Ирак)	0,002
Гавана (Куба)	0,009
Ташкент (Узбекистан)	0,011
Коломбо (Шри-Ланка)	0,015
Эр-Рияд (Саудовская Аравия)	0,027
<i>Цены в крупных городах мира</i>	
Париж	4,08
Лондон	3,57
Сингапур	3,43
Нью-Йорк	2,11
Москва	0,82
Пекин	0,54
Дели	0,09

Источник: GWI/OECD 2008 Global Water Tariff Survey.

Тариф на воду отражает не только и не столько ценность воды как товара, сколько объем капитальных и операционных затрат на ее предоставление потребителю [26]. Можно говорить скорее об опосредованной связи: в регионах, где воды относительно мало, обеспечить водоснабжение будет более проблематично и дорого (за счет более глубокой очистки), вследствие чего цена увеличится. В чистом виде плата проявляется пока только в торговле опресненной водой. Никто не платит за сырье – воду мирового океана, на конечную стоимость влияет только технология (энергозатраты, капитальные и операционные расходы).

Не в последнюю очередь парадокс низких цен на воду часто связан с ошибочными действиями агентов, предоставляющих услуги водоснабжения и устанавливающих тарифы на них. При расчете тарифа они ориентируются на историческую динамику затрат, не учитывая того, что по мере «выработки» доступных водных источников (в первую очередь, наземных вод и неглубоких подземных горизонтов), капитальные затраты на обеспечение того же количества воды значительно возрастут. В итоге в тот период, когда потребности в текущих капитальных затратах нет, компании устанавливают цену на уровне покрытия операционных затрат, что создает серьезные проблемы для будущих инвестиций. В некоторых странах (например, в США) традиционно невысокие тарифы на воду (в среднем, в два раза ниже, чем в Европе) обусловлены этическими соображениями: большинство агентств по водоснабжению – государственные, и общество крайне негативно относится к высоким прибылям таких агентств. В результате последние стараются не создавать значительных резервов нераспределенной прибыли [20].

Таким образом, складывается парадоксальная картина: в странах, где необходимо сдерживать спрос на воду более высокими ценами, государство устанавливает максимально льготные тарифы, в то время как в развитых государствах с относительно влажным климатом и большими приморскими зонами потребители платят в 10–100 раз больше, чем в засушливых странах Персидского залива. Основа данного парадокса заключена в крайне низкой эластичности спроса на воду.

2.2. Эластичность спроса на воду

Опять же, наиболее точной оценке поддается эластичность спроса на воду для домашнего потребления в городах, ситуация с сельским хозяйством и промышленностью более сложная с точки зрения оценки и имеет качественно иные характеристики.

2.2.1. Эластичность спроса домохозяйств на городскую воду

В США повышение предельной цены воды на 10% приведет к снижению спроса городского жителя в среднем на 3–4%, что означает, что эластичность спроса на воду среднего городского жителя США колеблется в пределах от $-0,3$ до $-0,4$ [35]. В среднем, эластичность спроса на воду сопоставима с аналогичными показателями по электричеству и бензину в США. При прочих равных условиях, эластичность спроса на воду тем выше, чем выше цены. Классическим примером служит проблема полива садов в Австралии в периоды засух: общественное недовольство вызывает повышение тарифов на дополнительный расход воды (по сравнению с остальными периодами).

Необходимо также провести определенное разграничение понятий, когда мы говорим об эластичности спроса на воду: речь идет именно о низкой эластичности (неэластич-

ности), а не о нечувствительности спроса к изменению цены (в этом случае потребитель будет потреблять то же самое количество товара при любых изменениях цены). Последнее имеет место только для обеспечения жизненно необходимого уровня водопотребления (2–3 л). В остальных случаях мы наблюдаем именно крайне низкую, но эластичность спроса. Оценка эластичности спроса расходитя в разных исследованиях, однако все они едины в общей характеристике: спрос горожан на воду неэластичен (см. табл. 6, сводные данные [35]).

Таблица 6.

**Сравнительные результаты исследований эластичности спроса
в Новой Англии**

Исследование	Оценка эластичности
Олмстед и др.	-0,3
Дальхейзен и др.	-0,41
Стивенс и др.	От -0,1 до -0,69
Стивенс и Кизизоглу	От -0,1 (в краткосрочном периоде) до -0,38 (в долгосрочном периоде)
Мале и др.	-0,32
Турновский	
оценка для 1962 г.	От -0,05 до -0,40
оценка для 1965 г.	От -0,29 до -0,41

2.2.2. Эластичность спроса на воду в промышленности

По обобщенным оценкам, спрос на воду в промышленности также неэластичен, однако показатели выше, чем для городских жителей [35]. При этом уровень эластичности значительно варьируется в зависимости от водоемкости отрасли. Так, в исследовании Уильямса и Сух [53] приводится показатель в коридоре от -0,44 до -0,97. Безусловно, наблюдаются значительные различия по отраслям: для некоторых отраслей показатель не превышает -0,15 [40], в то время как в химической промышленности достигает -0,98, т.е. чем более водоемко производство, тем выше эластичность воды [41].

2.2.3. Эластичность спроса на воду в сельском хозяйстве

Средняя эластичность по цене, рассчитанная на основе 24 исследований в США за период с 1963 по 2004 гг., составляет -0,48 [43]. Также установлено, что чем более засушливый регион, тем выше в нем будет эластичность сельскохозяйственного спроса на воду. Однако в отличие от индивидуального городского потребителя, который использует определенное количество дополнительной, но нужной ему воды даже при высоких ценах, сельхозпроизводители устанавливают «цену отсечения», после которой спрос на воду стремится к нулю, – т.е. фермер просто не будет наращивать производство, если вода

для него будет стоить дороже определенной приемлемой цены. Данная зависимость очень важна при разработке моделей сокращения водозабора в развивающихся странах, где на сельское хозяйство приходится 70–80% всего объема использованной воды. Одной из мер по стимулированию сельхозпроизводителей к более эффективному водопользованию часто выступает многоступенчатая схема тарифа на воду: в пределах оптимального уровня водопотребления цена 1 кубометра составляет X долларов, при повышенном, но допустимом, уже $X + Y$ долларов, а при чрезмерном цена становится фактически заградительной.

2.2.4. Эластичность спроса на воду по доходу

Однако даже при повышении цен на воду может наблюдаться рост потребления воды, при прочих равных условиях, это происходит при росте дохода. Как и при оценке других видов эластичности, значения варьируются в различных исследованиях. Повышение доходов на 1 долл. приведет к росту спроса на воду на 0,2–0,6% [19]. Медианная эластичность, рассчитанная на основе 160 работ (1960–1998 гг.), составляет 0,43 [14]. Иначе говоря, рост доходов оказывает повышательное влияние на водозабор. Поэтому при одновременном росте доходов и повышении цен на воду будет происходить скорее замедленный рост водозабора. Данная закономерность также имеет серьезные последствия для развивающихся стран, сталкивающихся с водным кризисом и, в то же время, увеличивающих подушевые доходы населения, в первую очередь, городского. Также необходимо учитывать, что эластичность по доходу главного потребителя воды, продовольствия, значительно выше.

3. Вода в мировой экономике: рынок и перспективы

Относительно объективным отражением процессов в мировой экономике можно считать международное право: если речь идет о долгосрочном проекте/бизнесе/торговле, участникам необходимы правила игры. Экономическое использование пресной воды как предмет международного права возникло только в начале XX в. Порядок регулирования водопользования договорным международным правом развивался постепенно, включая последовательно следующие сферы: судоходство, рыболовство, лесосплав, пограничные реки и экологию.

Катализатором «экономизации» воды стал рост объемов международной торговли и развитие электричества: строительство ГЭС, плотин и водохранилищ стало оказывать заметное влияние на международный сток, и у воды появился наглядный измеритель стоимости.

Если рассматривать стоимость воды через альтернативную, то в первую очередь можно попробовать оценить потери от неэффективного использования водных ресурсов. Речь идет о таких потерях, как расходы на здравоохранение, компенсация выбывшей рабочей силы, недополученная прибыль в таких отраслях, как туризм, сельское хозяйство, снижение эффективности жилищно-коммунального хозяйства. Проиллюстрируем это на примере стран Юго-Восточной Азии.

Так, Камбоджа, Индонезия, Филиппины и Вьетнам теряют ежегодно порядка 9 млрд долл. в год, что составляет 2% от их совокупного ВВП в связи с нехваткой воды. Большая часть потерь приходится на потери от болезней, вызванных антисанитарией (4,8 млрд

долл.). Также антисанитария приводит к загрязнению воды, делает дороже стоимость питьевой воды для домохозяйств, снижает эффективность рыболовецких хозяйств (2,3 млрд долл.). Помимо этого, возникают потери от неиспользования плодородных земель (220 млн долл.) и туризма (350 млн долл.). Подсчитано, что достижение уровня базовой санитарии позволит получать 6,3 млрд долл. в год [50].

По подсчетам ООН, достижение Целей тысячелетия к 2015 г. в сфере водоснабжения и санитарии экономически оценивается в 84 млрд долл., которые формируются за счет высвобождения рабочего времени благодаря упрощенному доступу к воде и санитарии (63 млрд), а также повышению производительности, улучшению образования в беднейших странах мира, улучшению системы здравоохранения, сокращению детской смертности и др. [51].

В современной мировой экономике определенный товар становится ценным ресурсом не только в странах, испытывающих его нехватку. Страны, наделенные водой, используют ее как свое конкурентное преимущество и также участвуют в глобальной конкуренции за нее. Ценность воды как ресурса усиливает и то, что она – один из двух ключевых элементов для производства продовольствия, которое также превратилось из обычного товара в новый экономический и политический ресурс. И данная тенденция будет только укрепляться. Хотя наделение воды ценностью в мировой экономике резко обострило конкуренцию за нее между странами, сфера конфликта интересов практически не изменилась, а возможности для реализации взаимовыгодных стратегий многократно расширились.

Основной проблемой, лежащей на пути более эффективного водопользования, на сегодня остается проблема недостаточного инвестирования в водный сектор. Проблема привлечения инвестиций состоит в том, что, несмотря на ожидаемую высокую рентабельность, инвестор и получатель выгод – как правило, не один и тот же субъект. Выгоды от «водных» инвестиций получают не только конкретные потребители воды, но и общество в целом, государство экономит на расходах на чрезвычайные ситуации, развивается туризм, промышленность, повышается эффективность системы здравоохранения. Кристаллизовать эти выгоды для отдельного инвестора в форме дивидендов практически невозможно, что и затрудняет привлечение неправительственных инвесторов. При этом сами проекты (в основном, крупные инфраструктурные) разработаны во многих странах, страдающих от недостатка воды.

Помимо проблемы адресного получения выгоды инвестором встает вопрос окупаемости подобных проектов с учетом права на воду (т.е. с учетом предполагаемых ограничений на ценообразование). Сферой, наиболее привлекательной для инвестиций, сегодня становится торговля технологиями, прежде всего, технологиями масштабируемыми – с этим отчасти связан резкий рост рынка опреснительных установок. Остановимся подробнее на данных технологиях.

3.1. Торговля технологиями

Форма рыночного взаимодействия, представленная на рынке чистой воды, но не требующая физической ее транспортировки, это рынок технологий. Условно технологии можно разделить на три категории.

1. Технологии, позволяющие производить большее количество товара при неизменном водозаборе: технологии по повышению водозаборной эффективности, водосбережению, в том числе капельное орошение, обкладка ирригационных каналов водонепроницаемыми материалами и т.д.

2. Технологии, позволяющие получать больший объем воды из нетрадиционных источников: опреснение воды, водоочистка, конденсат пара, освоение подземных водных горизонтов и т.д. Особенно популярны данные технологии на Ближнем Востоке, в Юго-Восточной Азии и в ряде стран Средиземноморья (прежде всего, Испании). Основным разработчиком технологий опреснения сегодня остаются США (главным образом, за счет многолетнего лидирующего положения General Electric). При этом данная сфера резко упрочила свои позиции после открытия в 2006 г. мембранной технологии, удешевившей стоимость опресненной воды в 4 раза.

3. Технологии инфраструктурного строительства, позволяющие «перекраивать» водную карту страны или региона за счет возведения дамб, плотин и гидроузлов. Такие технологии особенно важны для развития гидроэнергетики, атомной энергетики, комплексного развития определенных районов.

Технологии первого типа как товар в международных экономических отношениях представляются крайне перспективными: ресурсы для повышения эффективности использования национальных водных ресурсов все еще колоссальные – в сельском хозяйстве потери составляют до 60% всего водозабора. Помимо экономии воды, развитие новых технологий позволит снизить стоимость инфраструктурных проектов: по данным Организации экономического сотрудничества и развития, объем таких инвестиций за период 2015–2025 гг. может быть уменьшен на 6,7% только за счет внедрения в этот сектор технологических достижений [26].

ФАО в 2003 г. провела масштабное исследование, проанализировав 248 проектов в 33 развивающихся странах в области ирригации: совокупные инвестиции составили 8 млрд долл., средняя цена проекта не превышала 32,5 млн долл. В большинстве проектов донором выступал Всемирный банк. Всего в ходе реализации данных проектов были созданы либо усовершенствованы ирригационные системы на территории 7,3 млн га. Безусловно, объем инвестиций и средняя цена 1 га значительно варьировались в разных странах: если в среднем по выборке инвестиции в 1 га орошаемой земли составили 2280 долл., то в Китае этот показатель не превысил 398 долл., а в Зимбабве, наоборот, достиг 7218 долл. [15].

Особняком стоит вопрос участия частного капитала в подобных проектах. По подсчетам Всемирного банка, главным рынком для подобных проектов стал Китай. По сути, динамика отрасли жестко привязана к китайской конъюнктуре: рекордное снижение частных инвестиций в начале 2010 г. было обусловлено именно провалом на китайском рынке. В то же время восстановление показателей в 2011 г. также в основном связано с Китаем. Рекордный объем вложений наблюдался в Китае в 2007 г. (1800 млн долл.), затем на фоне мирового финансового кризиса произошел резкий спад (китайские инвестиции упали до 500 млн долл., в других странах сократились до 10–50 млн долл.). В 2010–2011 гг. сектор начал восстанавливаться: в Чили этот показатель составил в 2010 г. 1600 млн долл., в Мексике – 793 млн долл., в Бразилии – 200 млн долл. Однако подобные проекты пока не приобрели массового характера, сильно привязаны к конъюнктуре мировой экономики и, главным образом, к дотациям Всемирного банка – основного спонсора подобных частных инициатив [38].

Наиболее распространенный пример *технологии второго типа* – это опреснение. В 2009 г. в мире работал 14451 опреснительный завод совокупной мощностью в 60 млн м³ в день (еще 244 завода совокупной мощностью 9,4 млн м³/день на тот момент строились) [26]. По прогнозам экспертов организации Global Water Intelligence, к 2016 г. совокупная производительность опреснительных установок в мире достигнет 105 млн м³ в день. Важную роль в развитии рынка сыграло совершенствование мембранной технологии, которая позволила опреснять воду с меньшими затратами денег (экономия составила до 75%), энергии и добиваться более качественного результата (меньший осадок солей в получаемой воде).

Отметим, что проекты по строительству опреснительных установок стали в разы быстрее выходить на самоокупаемость (за счет экономии от масштаба и снижения затрат), и компании предпочитают реализовывать данные проекты самостоятельно или при участии напрямую заинтересованных муниципалитетов. Аналогично тенденциям в нефтегазовом секторе, где страны-импортеры прикладывают все больше усилий для диверсификации источников энергии и снижения зависимости от стран-экспортеров, можно ожидать, что подобные технологии будут способствовать снижению градуса напряженности в водном секторе. Безоговорочные мировые лидеры по опреснению воды – это Саудовская Аравия и ОАЭ, на их долю приходится более 40% всей опресняемой воды (20,6% и 20,3% соответственно) [51]. Другие крупные опреснители: Испания, Алжир, Китай, США и почти все малые страны Персидского залива.

На этом фоне ожидания экспертов опреснительного рынка позитивные: прогнозируется рост сектора с 10 млрд долл. до 16 млрд долл. к 2016 г. За последние 30 лет значительно сократилась стоимость опреснения. Опресненная вода составит все большую конкуренцию обычной воде, в том числе в регионах, не подверженных значительному водному стрессу [39]. Наблюдается, в частности, рост заинтересованности в странах Юго-Восточной Азии.

В австралийском исследовании 2008 г. были собраны данные о более чем 300 опреснительных станциях, и цена 1 кубометра воды колебалась от 0,50–2,00 долл./м³, в зависимости от размера станции [54]. Катализатором к популяризации опреснительных установок стало значительное удешевление опресненной воды с 2007 г.: по данным General Electric, в 2010 г. она смогла сравниться с обычной муниципальной водой (при использовании мембран GE). При этом на установках GE цена получается в полтора-два раза выше, чем на новейших опреснительных станциях в Азии: сегодня на некоторых объектах в Сингапуре и Индонезии цена опускается до 0,15–0,35 долл./м³.

Как и в других отраслях, инвестиции в опреснение сократились в 2008–2010 гг. под воздействием мирового финансового кризиса. Постепенно отрасль восстановилась, и продолжился рост, наблюдавшийся в течение всех 2000-х годов. Так, в 2011 г. произошел целый ряд заметных событий в сфере опреснения. Показательным событием стало объявление Национальной комиссией по реформам и развитию КНР о планах по популяризации опреснительных установок. 24 июня 2011 г. директор подведомственного Комиссии агентства выступил с обращением, в котором подчеркнул необходимость развития опреснительных технологий в стране, и анонсировал план опреснительных патентов и программный документ по развитию опреснения, который готовит Комиссия совместно с 11 официальными ведомствами. Однако в своем выступлении директор подчеркнул, что государство будет оказывать приоритетную поддержку компаниям, самостоятельно ведущим исследования и разработки в данном направлении.

С важным заявлением выступили 27 сентября 2011 г. власти Израиля, ответственные за водообеспечение в стране. В связи с трудностями, которые испытывает Израиль при строительстве опреснительных заводов на своей территории, а также принимая во внимание повышенную военную и террористическую угрозу в отношении данных объектов, власти решили строить опреснительные станции за рубежом, с последующей транспортировкой воды в Израиль. План развития опреснительных заводов рассчитан на 40 лет и предполагает инвестиции в размере 55 млрд долл. При этом особо оговаривается необходимость поддерживать стабильный уровень расходов на воду для конечных потребителей. Целевой показатель, ранее озвученный израильским правительством, был 2055 тыс. м³/день к 2020 г., однако сейчас планируется удвоить этот показатель к 2050 г.

Традиционно опреснительные установки связаны с ядерной энергетикой. Особенно этот симбиоз привлекателен для стран, обладающих определенным ядерным потенциалом, но при этом ограниченным в ресурсах пресной воды. Именно это способствовало тому, что первая опреснительная установка была разработана и построена в Советском Союзе, на территории Казахстана. Как было упомянуто выше, атомная энергетика – одна из самых водоемких отраслей в мире. Именно поэтому опреснительные установки так привлекают энергетиков: высвобождая ресурсы пресной воды, в то же время не приходится ограничивать производство атомной энергии.

В последнее десятилетие этот тренд только усилился в связи с повышенным спросом на электроэнергию и растущим дефицитом пресной воды. Установлено, что наибольшим потенциалом для развития опреснения обладают малые и средние реакторы. Страны, наиболее заинтересованные в данном водно-энергетическом симбиозе: Китай, Индия, Пакистан. Это страны, обладающие передовыми технологиями в ядерной энергетике, постоянно растущим многочисленным населением (первое, второе и шестое место в мире, соответственно, или 40% мирового населения), переживающие экономический бум и обостряющийся водный дефицит. Разработки в данном направлении ведут и Япония, Корея, США². В таких странах, как Алжир, Египет, Франция, Индонезия, Кувейт, Испания, Саудовская Аравия, проводятся активные исследовательские работы по данной тематике. Сдержанный интерес пока проявляют Иордания, Марокко, ряд стран Персидского залива и Тунис.

Помимо атомного, перспективными направлениями для развития опреснения считаются такие «зеленые» технологии, как опреснение за счет солнечной энергии, ветряной энергии. В целом, комбинация энергетики и производства воды стала одним из главных трендов в отрасли. При этом в отрасли остается колоссальный потенциал сокращения издержек. Приведем только один пример: 25 сентября 2011 г. египетские ученые объявили, о разработке технологии опреснения за счет солнечной энергии, которая позволяет снизить стоимость опресненной воды с 1,67 до 0,67 долл./м³. Ученые также подтвердили, что технология может быть усовершенствована, и они намереваются снизить стоимость еще сильнее – до 0,33 долл./м³. Однако флагманом солнечного опреснения в ближайшее время станет Саудовская Аравия, мировой лидер по объемам опресняемой воды. Страна

² Развитие атомного опреснения объявлено одной из главных миссий Министерства энергетики США, запустившего в 2010 г. специальную программу по развитию глобального сотрудничества в сфере атомной энергетики в части производства малых и средних реакторов (Global Nuclear Energy Partnership Grid Appropriate Reactor campaign).

рассматривает опреснение воды как стратегическую отрасль экономики, так как естественных резервуаров питьевой воды практически нет, а использование солнечной энергии позволит сократить затраты на производство 1 м³ питьевой воды в 3,6 раза.

Безусловно, доля опресненной воды в общем водозаборе даже наиболее развитых в этом направлении стран пока мала: в Израиле – 7,8%, в Саудовской Аравии – 4,6%, в США – 0,1%, в Китае это 0,001%. Однако описанные выше события свидетельствуют о значительном потенциале рынка опреснения, тем более, что строительство опреснительных заводов в засушливых районах ведется при практически абсолютно гарантированной «клиентской базе»: местных фермерах, предпринимателях и городских жителях.

Технологии инфраструктурного строительства, с одной стороны, позволяют радикально изменять водный баланс на значительной территории, с другой стороны, именно они являются источниками международных конфликтов. Флагманами такого строительства сегодня выступают Турция и Китай (лидер по числу дамб). Самая же крупная система водоснабжения расположена в России. Ключевой аспект развития данного сегмента на современном этапе – это обладание технологиями. Также именно эта сфера сегодня – самая конфликтная с политической точки зрения (примером стала проблема строительства Рогунской ГЭС в Таджикистане, фактически поставившая страны Центральной Азии в предвоенную ситуацию). По аналогичной причине протестные настроения усилились в Таиланде и Вьетнаме с начала строительства каскада ГЭС на китайской части реки Меконг в 1990–2000-х гг. [33]: страны, расположенные в нижнем течении Меконга, остро зависят от регулярного и прогнозируемого стока, так как являются ключевыми мировыми производителями риса – крайне водоемкой культуры. Схожие конфликты наблюдаются в бассейне Тигра и Ефрата: Сирия и Ирак противятся развертыванию турецкой программы «Восточная Анатолия», которая предполагает возведение 20 гидроузлов, плотин, ГЭС и интенсивное развитие сельского хозяйства на приграничных территориях.

3.2. Инфраструктурные проекты по транспортировке воды

Рыночные отношения, предполагающие физическую торговлю водой в промышленных масштабах, во многом аналогичны формам торговли нефтью. Это магистральные трубопроводы и танкерные перевозки. Можно сказать, что пока эти формы торговли неразвиты, но существует целый ряд подобных проектов на разных континентах. Данная форма торговли в большинстве своем, так или иначе, ограничена рамками водного бассейна, так как при преодолении естественной границы бассейна стоимость воды резко возрастает [2]. Возможным способом в таком случае могут стать танкерные перевозки.

Если говорить о торговле водой танкерами, то этот способ невыгоден, в первую очередь, потенциальным странам-экспортерам из-за отсутствия добавленной стоимости, а странам-импортерам – из-за достаточно высоких издержек. Во-вторых, такая торговля возможна только со странами, имеющими международные судоходные реки либо выход к морю. В первом случае проекты по интенсификации водопользования и строительству гидроинженерных сооружений являются значительно более предпочтительными, так как не ставят страну-импортера в зависимость от другого государства, во втором – технологии опреснения воды составляют серьезную конкуренцию сырьевой торговле.

При строительстве международных водотоков помимо экономических встают вопросы, связанные с реализацией права на воду, национальной безопасностью, экологией,

спецификой инвестирования. Сегодня в мире действует всего один международный водопровод – между Малайзией и Сингапуром. В остальных случаях переговоры не могут миновать стадию обсуждения проекта [6; 29; 48].

Основной недостаток подобных взаимодействий – крайне высокая степень зависимости страны-импортера от экспортеров воды. Исходя из предположения, что источник потенциальных водных конфликтов – это ущемление интересов именно нуждающейся стороны, подобная форма взаимодействия скорее предполагает конфликт, а не решает его.

Единственная форма торговли водой как таковой, которая действительно развита и представляет собой полноценный рынок, – это торговля бутилированной водой. Но данный рынок имеет свою специфику и не представляет значительного интереса для мировой экономики. Более того, он не имеет отношения к структурному влиянию на мировую экономику. Подробнее о данной сфере бизнеса см. Вставку.

Вставка.

Рынок бутилированной воды

Нужно провести разграничение между снабжением населения текущей водой и розничными поставками воды, преимущественно бутилированной. Данный сегмент в сотни раз меньше описанных выше в силу ограниченности рынка: это страны, население которых может позволить себе покупать бутилированную воду для питья. Как было сказано, не учитывая потребительскую корзину (энергия, продовольствие, индустриальные товары), человеку необходимо 2–3 литра воды в день на питье, и в среднем 300 литров – на бытовые нужды. То есть даже при полном переходе на бутилированную питьевую воду каждым жителем планеты при населении в 10 млрд человек емкость рынка не превысит 20 км³ в год. При этом обеспечение водой для бытовых нужд из расчета 150 л воды на человека (что в два раза ниже уровня развитых стран) потребует уже 1500 км³ в год. Обеспечение питания потребует в 7 раз больших затрат при современных технологиях в сельском хозяйстве. Спрос на такую воду отражает, видимо, нескольких факторов: качество водопроводной воды, рост требований к воде для питья (без химических очистителей), уровень благосостояния населения. Поэтому рассмотрение рынка бутилированной воды носит справочный характер. Реальный вклад в структурные изменения мировой экономики вносят другие формы рыночных отношений в водном секторе. По данным European Federation of Bottled Waters, лидерами по потреблению бутилированной воды на душу населения являются ОАЭ (260 л/чел./год), Мексика (205) и Италия (202). В целом, в подушевом потреблении самыми активными покупателями на протяжении многих лет остаются развитые страны и страны ОПЕК. Единственным исключением можно считать Таиланд (89 л и 17-е место из 20).

Рынок бутилированной воды наиболее привлекателен для частных инвесторов и некрупных финансовых структур. По мере нарастания водного дефицита возможности экспорта бутилированной воды пропорционально растут (особенно на фоне повышения доходов населения в развивающихся странах). Это связано с тем, что в этом сегменте отсутствуют нерыночные границы и вода оказывается нормальным экономическим товаром. К тому же, себестоимость воды, как правило, не превышает 1% от розничной стоимости бутылки с водой. В 2007 г. данный рынок оценивался в 90 млрд долл. Если в Северной Америке, самом крупном рынке, на одного человека приходилось почти 100 л воды в год, то в странах Азии – в 10 раз меньше. Вторым по объему рынком была Европа (70 л в 2004 г.), и, наконец, в два раза меньше потребляли

бутилированной воды в Латинской Америке. В силу демографических пропорций мировое среднее составляло примерно 24 л на человека в год.

По состоянию на 2011 г. можно говорить о резком росте рынка: объем продаваемой бутилированной воды достиг 214 млрд л, что соответствует 53,5 л на каждого жителя Земли в год), из которых большая доля (171 млрд л) приходится на негазированную воду.

Самым динамичным и крупным рынком стала Юго-Восточная Азия – на нее пришлось более 50% всего роста, региону удалось потеснить Западную Европу – многолетнего лидера по абсолютному объему продаж (в литрах). И данная тенденция, по всей видимости, будет иметь продолжение: согласно прогнозам, только на долю Индии и Китая в период 2010–2015 гг. придется более 60% всего роста потребления бутилированной воды (в литрах).

В денежном выражении самым крупным потребителем остаются США (на их долю приходится 23%). Самый большой рост за период 2010–2015 гг. в денежном выражении ожидается в Мексике: объем потребляемой бутилированной воды должен вырасти на 3,4 млрд долл. За Мексикой следует Китай с приростом в 2,6 млрд долл.

3.3. Торговля виртуальной водой

Именно из статистики водопотребления берет свое начало концепция «виртуальной» воды, предложенная в начале 1990-х годов (1993, 1994 гг.) Дж.А. Алланом. Он определил ее как *количество воды, вложенное в производство продуктов питания или иной продукции*. Согласно данной концепции, страны, ограниченные в водных ресурсах, могут и должны закупать водоемкую продукцию у стран, где ценность воды ниже. Таким образом достигается наибольшая эффективность в использовании водных ресурсов. Данная форма торговли водой активно поощряется международными организациями, так как при подобном взаимодействии решается целый ряд проблем, встающих перед странами при физической торговле водой: проблемы реализации права на воду, экологии, инвестирования, трансграничного регулирования.

В 2009 г. объем продаваемой виртуальной воды достиг 1625 млрд м³/год, что составляет 40% всего объема мирового потребления воды [50]. Преимущественно торговля виртуальной водой затрагивает сферу сельского хозяйства (по данным ЮНЕСКО – 80%). Масштабы виртуальной торговли в сельском хозяйстве сегодня таковы, что 13%³ всей воды, используемой в мире для выращивания зерновых, уходит на выращивание зерновых на экспорт, т.е. для торговли виртуальной водой [22]. По оценкам ЮНЕСКО, за счет торговли виртуальной водой уже сегодня удается сэкономить 6% всей используемой пресной воды. Страны-экспортеры виртуальной воды – страны Северной Америки, а также Аргентина, Таиланд и Индия. Импортёры: Япония, Южная Корея, Китай, Индонезия и Нидерланды.

Чтобы нагляднее представить себе возможные выгоды от сознательной торговли виртуальной водой, приведем ряд показателей по разным странам. Так, для производства 1 тонны соевых бобов потребуется 4124 м³ воды в Индии, 2030 – в Индонезии, 1076 – в Бразилии. При этом средний мировой уровень – 1789 м³ [21]. Если мы возьмем производство мяса, водная составляющая отличается еще сильнее: на тонну говядины потребуется

³ В целом, сегодня 16% используемой в мире воды используется не для производства благ для внутреннего потребления, а для экспорта.

11681 м³ в Нидерландах, 21028 м³ – в России и 37762 м³ – в Мексике. Среднемировой уровень – 15497 м³. И, наконец, рис и пшеница, основные потребители воды в сельском хозяйстве: доля риса в общем объеме водной составляющей в зерновых составляет 21%, пшеницы – 12%. 1 тонна риса в Австралии обойдется в 1022 м³ воды, а в Бразилии – уже в 3082 м³. Водная компонента в тонне пшеницы варьируется от 619 м³ в Нидерландах до 2375 м³ воды в России. Безусловно, в условиях роста ценности воды эффективное водопользование становится весьма существенным источником конкурентоспособности.

В принципе, активная скупка и аренда развивающимися странами земель за границей для производства продовольствия также является составной частью водного рынка. К сожалению, в силу специфики подобных контрактов между развивающимися странами до сих пор не удается точно определить масштабы этой «продовольственно-территориальной» экспансии.

Безусловно, подобное взаимодействие не является панацеей для борьбы с локальными дефицитами воды и имеет свои вполне четкие границы, главным образом, это продовольственная безопасность страны. Так, Саудовская Аравия только в 2008 г. отказалась от правила 100-процентной обеспеченности собственным продовольствием, стала импортировать товары, выращенные на арендованных и выкупленных территориях за рубежом.

4. Локальные водные кризисы

В XX в. потребление воды увеличилось в шесть раз, более чем в два раза превысив темпы роста населения. Резкий скачок спроса на воду при практически неизменных ресурсах фактически привел к появлению ряда выраженных региональных проблем, которые уже воспринимаются как кризисы. С учетом имеющихся тенденций можно говорить о формировании целого ряда предпосылок для глобального водного кризиса в обозримом будущем, если не будут приняты соответствующие меры. Пока в глобальном масштабе речь идет о региональном дефиците воды, нехватке текущей пресной воды (социальное явление) в бедных странах, но не о кризисе. Безусловно, дефицит имеет качественно и количественно различное измерение в различных регионах.

По классификации ФАО [15], физический дефицит воды подразумевает, что используется более 75% возобновляемых источников воды. Данное определение означает, что засушливые территории не обязательно будут испытывать физический дефицит воды. Когда говорится, что *дефицит воды приближается к физическому уровню*, то имеется в виду, что доля используемых возобновляемых водных ресурсов превышает 60% и наблюдается тенденция к росту данного показателя. *Экономический дефицит* воды свидетельствует о том, что ежегодно на нужды экономики и населения задействуется 25% всех возобновляемых водных ресурсов. Как правило, в данной местности часть населения страдает от недоедания. Если же доля используемых возобновляемых водных ресурсов не превышает 25%, то о дефиците речь не идет.

Фактическая «кризисность» водной проблемы пока локальна. Однако ценность воды как экономического ресурса стала глобальной благодаря возможности продавать местную продукцию на мировых рынках, не привязанных географически к стране производства. В первую очередь, это касается продовольственных товаров, производство которых в долевым выражении наиболее водоемко. Исторически сформировалось несколько типов локальных водных кризисов: кризис отсталых регионов, расположенных в небла-

гоприятных климатических условиях, кризис индустриализации и, в конце XX в., азиатский аграрно-урбанистический кризис.

4.1. Кризис засушливых регионов

Данный вид кризиса фактически был всегда и представляет собой не кризис как внезапное современное нам событие, а часть хозяйственной системы и образ жизни, в которой существуют веками целые народы. Речь идет о странах к югу от Сахары, среднеазиатских республиках, странах Персидского залива. При этом, в силу глобальных изменений климата данный кризис начал усугубляться. Усилились процессы таяния ледников (критичный процесс для Памира), ускорилось опустынивание, периоды засух стали острее и длительнее. Однако в силу относительно слабого участия данных стран как в мировой экономике, так и в мировой политике, основным аспектом данного кризиса остался гуманитарный. При наличии финансовых возможностей и эффективном управлении такие страны успешно применяют адаптационные технологии (опреснение в Саудовской Аравии и ОАЭ). О гуманитарном аспекте свидетельствует также тот факт, что и в странах Африки и в среднеазиатских республиках основной остается не столько проблема нехватки воды как таковой, а неспособность хозяйствующих субъектов эффективно распределять имеющиеся ресурсы. Большинство специалистов уверены, что имеющихся водных ресурсов Африки достаточно, чтобы самостоятельно решить проблему недостатка воды. Но сегодня Африка использует только 4% своих собственных возобновляемых водных ресурсов (для сравнения: развитые страны используют порядка 70–90%) [51]. Из-за крайней бедности ряда регионов 340 млн человек лишено доступа к пресной воде и 500 млн – к базовым санитарным условиям. Бедность не позволяет ни наладить транспортировку воды, ни использовать более дорогие средства ее получения (опреснение, сбор конденсата пара). Что касается среднеазиатских республик, то здесь проблема лежит в сфере международных отношений и управления в широком смысле слова: до распада Советского Союза (и централизованной энергосистемы) сегодняшние проблемы перед республиками фактически не стояли. Безусловно, речь не идет о катастрофе на Аральском море, явившейся прямым результатом советского планирования водопользования в регионе.

4.2. Кризис индустриализации

Впервые с данным кризисом столкнулись европейцы в середине XIX в., что привело к заключению двусторонних и многосторонних договоров, разграничивающих водосток международных рек, создание специальных экологических комиссий и наднациональных управляющих органов. Само по себе увеличение водозабора на нужды промышленности не было критическим, однако экологические последствия поставили под угрозу существование традиционных сельскохозяйственных отраслей (например, рыболовство в Рейне). В силу переноса ряда промышленных производств в Азию, высокого уровня развития, значительных инвестиций и упрощения наднационального регулирования в рамках Европейского союза, данный кризис в основном преодолен.

4.3. «Азиатский» (аграрный) кризис

По-настоящему проблемным стал третий кризис, самый сложный на сегодняшний день: он вобрал в себя вызовы индустриализации, высоких темпов роста производства, ур-

банизации и роста потребления. Данный кризис связан как с ростом доходов населения, так и с *изменением привычек потребления*. Рост доходов населения в развивающихся странах стимулирует потребление мяса, птицы, молока, масла – продуктов, производство которых требует больше воды. Процесс, который сегодня называют «белковой революцией», означает изменение пищевых привычек целых наций [12].

Проиллюстрируем это на примере Китая. В 1985 г. китаец в среднем потреблял 20 кг мяса в год. В 2009 г. этот показатель составил уже 50 кг [50], а в 2011 г. достиг 53,5 кг [4]. Для производства 1 тонны кормового зерна требуется 1000 м³ воды. Так что, изменение пищевых привычек 1,3 млрд китайцев означает, по расчетам специалистов ООН, рост спроса на воду в размере 390 км³ воды в год только для производства мяса (на все сельское хозяйство в Китае расходуется 362 км³/год, поэтому именно Китай стал одним из главных мировых импортеров мяса). Для сравнения, возобновляемые ресурсы озера Байкал (сток реки Ангара, вытекающей из озера) составляют 60 км³ воды в год [44].

Новые масштабы урбанизации (в 2009 г. впервые более 50% населения мира стало жить в городах) также оказывают значительное влияние на спрос: индивидуальное потребление воды в городах в целом выше, чем в сельской местности. Также не следует забывать, что потребление электроэнергии в городах носит качественно иной характер и требует значительно большего водозабора, чем в сельской местности. По сути, происходит не столько изменение привычек потребления народов как таковое, сколько иной процесс: сельские жители, приехавшие в город, зарабатывают больше и перенимают привычки городского населения. Изменение подушевого потребления мяса в Китае связано в первую очередь с урбанизацией – динамика подушевого потребления мяса в сельской местности значительно скромнее: за 30 лет потребление мяса в сельской местности выросло с 6 до 15 кг в 2010 г., в то время как средний горожанин стал потреблять 50 кг.

По данным Службы геологии, геодезии и картографии США, совокупное потребление воды на бытовые нужды в 2004 г. составляло 300 л в день на душу населения в развитых странах (от 380 л в Соединенных Штатах – до 129 л в Германии [1]); в отсталых странах Африки 20–30 л на человека в день. Для сравнения, в Нью-Йорке расходуется 1000 л в день на человека – это самый «водоемкий» город мира. В городе расходы воды на бытовые нужды значительно выше, чем в сельской местности, к тому же в сельской местности значительно ниже доля населения, имеющего доступ к качественным коммунальным услугам: по данным ООН, доля населения, имеющего доступ к качественной пресной воде и улучшенным средствам санитарии, составляет 96,5% в городах и 76,2% в сельской местности.

Эксперты ООН прогнозируют, что наибольшее увеличение водозабора в ближайшие 10–15 лет придется на Азию, переживающую демографический бум, активное экономическое развитие (что ведет к росту доходов населения), урбанизацию и сильнейшее воздействие от учащающихся стихийных бедствий: показатель увеличится с 2500 до 3300 км³. Для сравнения, в начале XX в. водозабор в регионе не превышал 400 км³, а в 1950 г. составлял немногим более 900 км³.

Резюмируя, можно сказать, что к силам спроса на условном мировом рынке пресной воды относятся такие факторы, как рост населения; сельское хозяйство; изменение рациона питания больших групп населения; развитие промышленности и энергетики; урбанизация. К факторам предложения относятся: неэффективное/хищническое водопользование; загрязнение воды; изменение климата.

5. Перспективы

Основа взаимовыгодного сотрудничества – это ресурсная функция воды, которая нужна не столько сама по себе, сколько для развития сельского хозяйства, энергетики, экономики в целом. Отсюда и возникают возможности для бартера, что позволяет государствам вести продолжительный торг, не вступая в конфликт. В сфере экономических интересов мы выделили три типа международных взаимоотношений: торговля физической водой в разных формах, торговля технологиями и торговля виртуальной водой. Перспективы развития международных отношений в русле совместных интересов, преимущественно в экономической сфере, также можно определить с достаточной степенью надежности.

- Самой масштабной формой международных водных отношений станет торговля виртуальной водой, причем и в рамках бассейна в виде компенсации водных ресурсов как таковых, и на мировом рынке. Главный торгуемый водоемкий товар – это продовольствие, а его дефицит прогрессивно растет, что обусловит заинтересованность стран-производителей (богатых водой) в сбыте своей относительно более дешевой продукции, а стран-покупателей – в высвобождении национальных водных ресурсов.

- Перспективы торговли гидроэнергией оцениваются весьма оптимистично, именно она станет главным бартерным благом при урегулировании споров в границах бассейнов.

- Экспорт технологий будет процветать в силу того, что это единственный способ увеличить «предложение» воды, снижая зависимость от других стран и не дестабилизируя водный баланс в бассейне. Сферы применения таких технологий еще очень широкие и в географическом, и в отраслевом отношении.

- Международные инфраструктурные объекты будут строиться по мере установления согласованного режима в международном бассейне. Соответственно, перспективы данного взаимодействия определены успехами государств в выстраивании устойчивой региональной архитектуры. Однако независимо от выстраивания региональной архитектуры, международная риторика по данному вопросу будет все более интенсивной.

Таким образом, сегодня с высокой вероятностью можно предполагать, что водный дефицит будет оказывать прогрессирующее влияние на мировую экономику. Более того, возможно выявить характер этого влияния, сопоставив глобальные тенденции и региональные императивы.

Ужесточение конкуренции за водные ресурсы на мировом рынке обусловлено, прежде всего, растущим спросом на водоемкую продукцию, две трети из которой приходится на продовольствие. Самое существенное влияние на водный дефицит оказывает именно рынок продовольствия, и состояние этого рынка определяет водный баланс в мире и в регионах. Это влияние транслируется через два направления: рынок производственных ресурсов и рынок сбыта. Конкуренция за воду как производственный ресурс разворачивается на уровне международных водных бассейнов, и, несмотря на многочисленные статьи о «новой колонизации», масштабы скупки и аренды развивающимися странами водоносных земель за границей в сравнении с площадью крупнейших международных водных бассейнов все еще остаются незначительными. В то же время на рынке сбыта продовольственных товаров борьба идет уже на глобальном уровне. Характерной чертой рынка сбыта продовольствия в последние десятилетия стал значительный дефицит и

широкие колебания цен. Между тем, сам рынок продовольствия – рынок однородной продукции, а это, в свою очередь, подразумевает, что главным конкурентным преимуществом становится относительно низкая цена товара.

Следовательно, эффективное использование водных ресурсов способствует резкому повышению конкурентоспособности экономики. Система эффективного водопользования может выстраиваться как на региональном уровне (когда река или озеро воспринимаются как единый объект), так и на национальном. В этой связи логично было бы предположить, что страны, расположенные вверху по течению, должны не только не стремиться к выстраиванию региональных режимов управления международными водными ресурсами, но и противиться этому, дабы не допустить увеличения влияния своих «нижних» соседей. Однако у этой стратегии есть достаточно четкие пределы и определяются они выгодами от регионального сотрудничества. Альтернативы, которые государство, расположенное ниже по течению, может предложить в обмен на взаимовыгодную региональную систему водопользования, множатся по мере того, как мировой рынок становится все более динамичным и многоакторным. В связи с этим ценность таких выгод, как создание зон свободной торговли, облегченный выход на национальные рынки труда и капитала, доступ к новым технологиям эффективного водопользования и объектам гидроэнергетики, постоянно растет.

Помимо «бартерного» обмена, особняком стоит вопрос построения водно-энергетического баланса и связанного с ним синергетического эффекта. Хотя, в отличие от продовольственных, рынки сбыта электроэнергии региональные, эта сфера также имеет потенциал для урегулирования конфликта интересов и регионального сотрудничества. Строительство объектов гидроэнергетики позволяет стране, расположенной ниже по течению, получить доступ к источнику энергии и в то же время высвободить собственные водные и территориальные ресурсы на производство водоемкой продукции. А «верхнее» государство получает возможность, вместе с определенными уступками со стороны соседей, полноценно реализовывать свой гидроэнергетический потенциал, который у «верхних» стран в силу географических особенностей обычно выше, чем у «нижних», более равнинных государств. Именно поэтому возведение гидроэнергетических объектов на паритетных началах становится очень существенным источником для углубления региональной интеграции. В данном случае страны продают, опять же, ресурс, но уже более ценный, и, главное, использующийся для производства промышленных продуктов. Соответственно, вода в конечном итоге приобретет еще большую добавленную стоимость по сравнению с ее использованием в сельском хозяйстве.

* *
*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барабанов О.Н., Голицын В.А., Терещенко В.В. Глобальное управление. М.: МГИМО, 2006.
2. Данилов-Данильян В.И. Дефицит пресной воды и мировой рынок // Водные ресурсы. 2005. № 5.
3. О состоянии и использовании водных ресурсов РФ в 2007 году // Водная стратегия Российской Федерации на период до 2020 года.

4. 22nd GWI/IDA Worldwide Desalting Plant Inventory.
5. *Allan J.A.* The Middle East Water Question: Hydropolitics and the Global Economy. L.: I.B. Tauris, 2001.
6. *Bakenova S.* Making a Policy Problem of Water Export in Canada: 1960–2002: PhD Thesis. 2004.
7. *Bakker K.* The Commons Versus the Commodity: «Alter»-globalization, Privatization, and the Human Right to Water in the Global South // *Antipode*. 2007. 39(3). P. 430–455.
8. *Barlow M.* Blue Covenant: The Global Water Crisis and the Coming Battle for the Right to Water. 2007.
9. BP Statistical Review of World Energy, June 2011.
10. *Briscoe J.* Water as an Economic Good: The Idea and What it Means in Practice. Proceedings in the World Congress of the International Commission on Irrigation and Drainage, September 1996, Cairo.
11. *Bruns B., Meinzen-Dick R.* Negotiating Water Rights, International food policy research institute, 2000.
12. Calorie Supply per Capita from Animal Products. Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO), FAOSTAT on-line statistical service. (<http://apps.fao.org>). Rome: FAO, 2004, viewed 5th September, 2011.
13. chartsbin.com/view/bhy
14. *Dalhuisen J.M., Raymond J.G.M., Florax H.L.F., Nijkamp P.* Price and Income Elasticity of Residential Water Demand: A Meta-analysis // *Land Economics*. 2003. 79(2). P. 292–308.
15. FAO Water (<http://www.fao.org/nr/water/art/2007/scarcity.html>)
16. *Giordano A.M., Wolf A.T.* Sharing Waters: Post-Rio International Transboundary Water Management // *Natural Resources Forum*. 2004. Vol. 27: № 2. Департамент общественной информации Организации Объединенных Наций, 2004.
17. *Grimble R.J.* Economic Instruments for Improving Water Use Efficiency: Theory and Practice // *Agricultural Water Management*. 1999. № 40. P. 77–82.
18. GWI/OECD. Global Water Tariff Survey. 2008.
19. *Hanemann W.M.* Determinants of Urban Water Use // *Baumann D.D., Boland J.J., Hanemann W.M.* (eds.) *Urban Water Demand Management and Planning*. McGraw-Hill, N.Y.: 1997. P. 31–76.
20. *Hanemann W.M.* The Economic Conception of Water. Berkeley: University of California. USA.
21. *Hoekstra A.Y., Chapagain A.K.* Water Footprints of Nations: Water Use by People as a Function of their Consumption Pattern. 2005.
22. *Hoekstra A.Y., Hung P.Q.* Globalization of Water Resources: International Virtual Water Flows in Relation to Crop Trade. UNESCO-IHE Institute for Water Education, P.O. Box 3015, 2601 DA Delft, The Netherlands, 2004.
23. <http://www.fao.org/nr/water/aquastat/investment/index.stm>
24. <http://www.nationmultimedia.com/2011/04/19/mekong/Mekong-River-countries-disagree-over-controversial-30153449.html>
25. IEA (International Energy Agency). World Energy Outlook 2009. Paris, France, IEA, 2009.
26. Infrastructure to 2030: Telecom, Land Transport, Water and Electricity. OECD, 2006.
27. *King C.W., Stillwell A.S., Twomey K.M., Webber M.E.* Coherence between Water and Energy Policies. Paris: Organization of Economic Co-operation and Development (OECD), 2011.
28. *Kliot N.* Water Resources and Conflict in the Middle East. N.Y.: Routledge, 1994.
29. *Lopes P.D.* Water with Borders: Social Goods, The Market and Mobilization: PhD paper, 2005.
30. *Lowi M.* Water and Power – The Politics of the Scarce Resource in the Jordan River Basin. Cambridge University Press, 1993.
31. *McNeil D.* Water as an Economic Good. *Natural resource forum*. 1998. P. 253–261.
32. *Meinzen-Dick R., Bakker M.* Water Rights and Multiple Water Uses – Framework and Application to Kirindi Oya Irrigation System Sri Lanka // *Irrigation and Drainage Systems*. 2001. 15 (2). P. 129–148.

33. Mekong River Countries Disagree over Controversial Lao dam. Deutsche Presse Agentur.
34. *Olivera O.* Cochamabma. Water War in Bolivia, 2004. Library of Congress, Cataloging-in-publication Data.
35. *Olmstead S.M., Stavins R.N.* Managing Water Demand. Price vs Non-price Conservation Programs, Pioneer Institute // Public Policy Research. July 2007. № 39.
36. *Perry C.J., Rock M., Seckler D.* Water as an Economic Good: A Solution or a Problem?: HMI Research Paper 14. Colombo, Sri Lanka: International Irrigation Management Institute, 1977.
37. *Postel S., Wolf A.T.* Dehydrating Conflict // Foreign Policy. September/October 2001. P. 60–67.
38. Private Activity in Water and Sewerage Continues to Contract in the First Semester of 2011. Water note, World bank group, 2011.
39. *Raddy K.V., Ghaffour N.* Overview of Desalinated Water and Costing Methodologies. Elsevier, 2006.
40. *Renzetti S.* Estimating the Structure of Industrial Water Demands: The Case of Canadian Manufacturing // Land Economics. 1992. 68 (4). P. 396–404.
41. *Reynaud A.* An Econometric Estimation of Industrial Water Demand in France // Environmental and Resource Economics. 2003. 25. P. 213–232.
42. *Savenije H.H.G.* Why Water Is Not an Ordinary Economic Good, or Why the Girl Is Special // Physics and Chemistry of the Earth. 2002. 27. P. 741–744.
43. *Sheierling S.M., Loomis J.B., Young R.A.* Irrigation Water Demand: A Met Analysis of Price Elasticities // Water Resources Research. 2006. 42.
44. *Shiklomanov I.A., Rodda J.C.* World Water Resources at the Beginning of the 21st Century. Cambridge University Press, 2003. P. 103.
45. *Starr J.R.* Water Wars // Foreign Policy. Spring 1991. 82.
46. *Stevens T.H., Miller J., Willis C.* Effect of Price Structure on Residential Water Demand // Water Resource Bulletin. 1992. 28 (4). P. 681–685.
47. *Stillwell A.S., King C.W., Webber M.E., Duncan I.J., Hardberger A.* The Energy-water Nexus in Texas // Ecology and Society (Special Feature: The Energy-Water Nexus: Managing the Links between Energy and Water for a Sustainable Future.) 2011. 16 (1).
48. *Szydlowski G.F.* Commoditization of Water: A Look at Canadian Bulk Water Exports, the Texas Water Dispute, and the Ongoing Battle under NAFTA for Control of Water Resources // Colorado Journal on International Environmental Law & Policy . 2007. 665.
49. Tackling China's Water Crisis online, Ma Jun, Naomi Li. September 21, 2006. Chinadialogue.net
50. The United Nations World Water Development Report 3 «Water in a changing water». 2009.
51. The United Nations World Water Development Report 4 «Managing water under uncertainty and risk». 2012.
52. water.usgs.gov/watuse/data/2005/index.html
53. *Williams M., Suh B.* The Demand for Water by Customer Class // Applied Economics. 1986. 18. P. 1275–1289.
54. *Wittholz M.K., O'Neill B.K., Colby C.B., Lewis D.* Estimating the Cost of Desalination Plants Using a Cost Database // Desalination Journal. 2008. Vol. 229. Iss. 1–3. 15 September. P. 10–20.

Fresh Water Problem as a Structural Factor of World Economy

Likhacheva Anastasia

National Research University Higher School of Economics,
20, Myasnitskaya ul., Moscow, 101990, Russian Federation.
E-mail: alikhacheva@hse.ru

Freshwater challenge has become an integral part of international political agenda since the last decade of the XX century. Huge amount of people who suffer from different types of water stress (over 1,1 bln.) brought global community to include Improved access to water and sanitation as one of 4 major components of Sustainable environment Millennium Development Goal (MDGs) of United Nations. On July 28, 2010, UN General Assembly added a right for water in the list of basic human rights. Evolution of life standards in developed countries, rising concerns of poverty and inequality lead to rethinking of a wide range of global challenges, which were mostly ignored by world community before. Aggravation of water access problem, regional contradictions over water allocation and rising demand for higher life standards reflect both continuous escalation of water stress and higher ethics of global civil society towards life-style and inequality problems.

Before early 2000s, economic experts did not pay enough attention to water issues besides national water facilities, irrigation, hydro energy and urbanization problems. Beyond national frontiers water discourse resolved to draughts and deserts monitoring. All attention was concentrated on local measures aimed to prevent floods and draughts or manage sophisticated problems of allocation of scarce water resource in transboundary basins. As it seems today, water deficit has become a structural factor influencing world economic development. Access to clean water is in the focus of Sustainable development policy, water deficit becomes a constraint for economic growth in both developed and developing countries. At the same time world expenses for R&D in water management, investments in draughts and flood security are steadily growing. Energy efficiency in cities and especially megacities arises more heavily, state programs on modernization of irrigation systems multiply each year and arid regions in Asia, Europe and North America invest more and more in new desalination plants.

Key words: freshwater deficit; world economy; technologies; virtual water trade; virtual water; local water crises.

JEL Classification: Q25, Q27.

* *
*

References

- Barabanov O.N., Golitsyn V.A., Tereshhenko V.V. (2006) *Global'noe upravlenie* [Global Governance]. Moscow: MGIMO.
- Danilov-Danilian V.I. (2005) Deficit presnoj vody i mirovoj rynek [Scarcity of Fresh Water and the World Market]. *Water Resources Journal*, no 5.
- O sostojanii i ispol'zovanii vodnyh resursov RF v 2007 godu (2007) [On the Status and Use of Water Resources of the Russian Federation in 2007]. *Vodnaja strategija Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda*.
- Allan J.A. (2001) *The Middle East Water Question: Hydropolitics and the Global Economy*, London: I.B. Tauris.
- Bakenova S. (2004) *Making a Policy Problem of Water Export in Canada: 1960–2002* (PhD Thesis).
- Bakker K. (2007) The Commons Versus the Commodity: «Alter»-globalization, Privatization, and the Human Right to Water in the Global South. *Antipode*, 39(3), pp. 430–455.
- Barlow M. (2007) *Blue Covenant: The Global Water Crisis and the Coming Battle for the Right to Water*.
- BP (2011) *BP Statistical Review of World Energy*, June.
- Briscoe J. (1996) Water as an Economic Good: The Idea and What it Means in Practice. Proceedings in the *World Congress of the International Commission on Irrigation and Drainage, September, Cairo*.
- Bruns B., Meinzen-Dick R. (2000) *Negotiating Water Rights*, International Food Policy Research Institute. [chartsbin.com/view/bhy](http://www.ifpri.org/publications/negotiating-water-rights)
- Dalhuisen J.M., Raymond J.G.M., Florax H.L.F., Nijkamp P. (2003) Price and Income Elasticity of Residential Water Demand: A Meta-analysis. *Land Economics*, 79(2), pp. 292–308.
- FAO (2007) *Water*. Available at: <http://www.fao.org/nr/water/art/2007/scarcity.html>
- FAOSTAT (2004) *Calorie Supply per Capita from Animal Products*. Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO), FAOSTAT on-line statistical service. Available at: <http://apps.fao.org> Rome: FAO, (viewed 5th September, 2011).
- Giordano A.M., Wolf A.T. (2004) Sharing Waters: Post-Rio International Transboundary Water Management. *Natural Resources Forum*, vol. 27, no 2.
- Grimble R.J. (1999) Economic Instruments for Improving Water Use Efficiency: Theory and Practice. *Agricultural Water Management*, no 40, pp. 77–82.
- GW1/OECD (2008) *Global Water Tariff Survey*.
- Hanemann W.M. (1997) Determinants of Urban Water Use. *Urban Water Demand Management and Planning* (eds. D.D. Baumann, J.J. Boland, W.M. Hanemann), New York: McGraw-Hill, pp. 31–76.
- Hanemann W.M. *The Economic Conception of Water*. Berkeley: University of California, USA.
- Hoekstra A.Y., Chapagain A.K. (2005) *Water Footprints of Nations: Water Use by People as a Function of their Consumption Pattern*.
- Hoekstra A.Y., Hung P.Q. (2004) *Globalization of Water Resources: International Virtual Water Flows in Relation to Crop Trade*, Delft, The Netherlands: UNESCO-IHE Institute for Water Education. <http://www.fao.org/nr/water/aquastat/investment/index.stm>
<http://www.nationmultimedia.com/2011/04/19/mekong/Mekong-River-countries-disagree-over-controversial-30153449.html>
- IEA (International Energy Agency) (2009) *World Energy Outlook 2009*, Paris: IEA.
- King C.W., Stillwell A.S., Twomey K.M., Webber M.E. (2011) *Coherence between Water and Energy Policies*, Paris: Organization of Economic Cooperation and Development (OECD).

- Kliot N. (1994) *Water Resources and Conflict in the Middle East*, New York: Routledge.
- Lopes P.D. (2005) *Water with Borders: Social Goods, The Market and Mobilization* (PhD Thesis).
- Lowi M. (1993) *Water and Power – The Politics of the Scarce Resource in the Jordan River Basin*, Cambridge University Press.
- Ma Jun, Naomi Li (2006) *Tackling China's Water Crisis online*, September 21. Chinadialogue.net
- McNeil D. (1998) *Water as an Economic Good*, Natural Resource Forum, pp. 253–261.
- Meinzen-Dick R., Bakker M. (2001) Water Rights and Multiple Water Uses – Framework and Application to Kirindi Oya Irrigation System Sri Lanka. *Irrigation and Drainage Systems*, 15 (2), pp. 129–148.
- Mekong River Countries Disagree over Controversial Lao dam*. Deutsche Presse Agentur.
- OECD (2006) *Infrastructure to 2030: Telecom, Land Transport, Water and Electricity*.
- Olivera O. (2004) *Cochamabma. Water War in Bolivia*, Library of Congress, Cataloging-in-publication Data.
- Olmstead S.M., Stavins R.N. (2007) Managing Water Demand. Price vs Non-price Conservation Programs, Pioneer Institute. *Public Policy Research*, July, no 39.
- Perry C.J., Rock M., Seckler D. (1977) *Water as an Economic Good: A Solution or a Problem?* HMI Research Paper 14, Colombo, Sri Lanka: International irrigation Management Institute.
- Postel S., Wolf A.T. (2001) Dehydrating Conflict. *Foreign Policy*, September/October, pp. 60–67.
- Raddy K.V., Ghaffour N. (2006) *Overview of Desalinated Water and Costing Methodologies*, Elsevier.
- Renzetti S. (1992) Estimating the Structure of Industrial Water Demands: The Case of Canadian Manufacturing. *Land Economics*, 68 (4), pp. 396–404.
- Reynaud A. (2003) An Econometric Estimation of Industrial Water Demand in France. *Environmental and Resource Economics*, 25, pp. 213–232.
- Savenije H.H.G. (2002) Why Water Is Not an Ordinary Economic Good, or Why the Girl Is Special. *Physics and Chemistry of the Earth*, 27, pp. 741–744.
- Sheierling S.M., Loomis J.B., Young R.A. (2006) Irrigation Water Demand: A Meta Analysis of Price Elasticities. *Water Resources Research*, 42.
- Shiklomanov I.A., Rodda J.C. (2003) *World Water Resources at the Beginning of the 21st Century*, Cambridge University Press, pp. 103.
- Starr J.R. (1991) Water Wars. *Foreign Policy*, Spring, 82.
- Stevens T.H., Miller J., Willis C. (1992) Effect of Price Structure on Residential Water Demand. *Water Resource Bulletin*, 28 (4), pp. 681–685.
- Stillwell A.S., King C.W., Webber M.E., Duncan I.J., Hardberger A. (2011) The Energy-water Nexus in Texas. *Ecology and Society* (Special Feature: The Energy-Water Nexus: Managing the Links between Energy and Water for a Sustainable Future.) 16 (1).
- Szydlowski G.F. (2007) Commoditization of Water: A Look at Canadian Bulk Water Exports, the Texas Water Dispute, and the Ongoing Battle under NAFTA for Control of Water Resources. *Colorado Journal on International Environmental Law & Policy*, 665.
- The United Nations World Water Development (2009) *Water in a Changing Water*. Report 3.
- The United Nations World Water Development (2012) *Managing Water under Uncertainty and Risk*. Report 4.
- water.usgs.gov/watuse/data/2005/index.html
- Williams M., Suh B. (1986) The Demand for Water by Customer Class. *Applied Economics*, 18, pp. 1275–1289.
- Wittholz M.K., O'Neill B.K., Colby C.B., Lewis D. (2008) Estimating the Cost of Desalination Plants Using a Cost Database. *Desalination Journal*, vol. 229, iss. 1–3, 15 September, pp. 10–20.
- World Bank Group (2011) *Private Activity in Water and Sewerage Continues to Contract in the First Semester of 2011*, Water note, World Bank Group.